

Прежде чем окончательно поправиться, Лу Цинцзю проболел ещё два-три дня. И лишь придя в себя, он вздохнул с облегчением, понимая, что ему больше не грозит превратиться в «больную зверушку» и быть съеденным Бай Юэху.

В последние дни снег валил всё сильнее, почти не прекращаясь. Вскоре Лу Цинцзю узнал от Инь Сюня, что дорогу в город завалило сугробами. Как только связь с внешним миром прервалась, деревня Шуйфу превратилась в крошечный мирок, почти полностью отрезанный от остальной вселенной. Лишь когда наступит весна и снег растает, сообщение с другими местами восстановится.

Воспоминания Лу Цинцзю о зиме из детства были тусклыми и смутными. Он помнил лишь, что зимы в Шуйфу были куда суровее других времён года, что еда становилась драгоценной и скудной, а свежие овощи было почти невозможно достать. Теперь же он воочию ощутил, как тяжело пережить это время.

После пяти-шести дней непрерывного снегопада в доме отключили электричество и интернет. В тот день Лу Цинцзю смотрел телевизор, как вдруг всё вокруг погрузилось во тьму. Инь Сюнь, как ни странно, остался совершенно спокоен – похоже, он давно предвидел это.

«Свет отключили», — констатировал он.

«Отключили? Но ты же говорил, что это случится только в декабре?» — удивился Лу Цинцзю.

«В этом году снег слишком сильный, — пояснил Инь Сюнь. — Где-то, видимо, опору линии электропередач раздавило снегом. Мы это не починим. Достанем свечи, как-нибудь перебьёмся...»

Инь Сюнь раньше рассказывал Лу Цинцзю, что в середине зимы в деревне почти всегда отключают электричество и интернет, но нынешняя ситуация оказалась даже хуже – ведь это был всего лишь первый снег, а света и связи уже не стало. К счастью, Лу Цинцзю успел подготовиться: он достал несколько маленьких ламп на батарейках и расставил их в гостиной. Днём на улице всё ещё шёл снег, и снаружи было светлее, чем в доме.

Лу Цинцзю разжёл угольную чашу, пока та не раскалилась докрасна. Сидя на краю кана и раздувая жар, он обсуждал с Инь Сюнем, что приготовить на обед. Бай Юэху устроился в своём кресле-качалке, прикрыв глаза, – зима была тем временем, когда не хочется лишний раз шевелиться. Ни возиться с фермой, ни выходить на улицу не было нужды; оставалось лишь сидеть дома и весь день думать, чем бы таким вкусным поживиться.

«Давай съедим копчёного мяса, — предложил Инь Сюнь, размышляя о меню. — Мы столько всего заготовили, а я ещё не пробовал».

Лу Цинцзю кивнул: «Хорошо, тогда сделаем острое копчёное мясо. Юэху, а тебе что?»

«Решай сам, — лениво отозвался тот. — Я съем что угодно».

«Тогда отдыхайте, а я пойду готовить», — сказал Лу Цинцзю.

«Я с тобой, — поднялся Инь Сюнь. — Ты же мёрзнешь? А я холода не боюсь».

Лу Цинцзю не стал отказываться, и они вместе отправились на кухню. С тех пор как пошёл снег, Лу Цинцзю в основном только готовил. Всю остальную работу по дому взяли на себя Инь Сюнь и Бай Юэху. Бай Юэху кормил кур и трёх мелких зверушек в доме, а Инь Сюнь помогал Лу Цинцзю. Любые шаги, связанные с водой, Инь Сюнь брал на себя – Лу Цинцзю почти не приходилось прикасаться к ледяной воде.

Раньше Лу Цинцзю и не подозревал, что у него есть проблемы с водой. Но после болезни он осознал это с пугающей ясностью: если он снова заболеет, Бай Юэху его не отпустит. И тогда, боясь холода, он начал изо всех сил избегать всего ледяного, лишь бы не заболеть. Так он уклонялся от болезни, что могла бы отнять его жизнь, и от Бай Юэху, который проглотил бы его целиком, не оставив и следа.

Бекон нарезали тонкими ломтиками, бросили в вок с перцем чили. Жар заставлял мясо сворачиваться, а жир – становиться прозрачным, как стекло. Такое мясо не казалось жирным, когда его ели, – оно было одновременно упругим и нежным, очень жевательным. Перцы чили они купили давно, и пусть они уже не были такими свежими, как в день покупки, зимой, когда ингредиентов не хватало, и это было счастьем.

Лу Цинцзю даже заставил Инь Сюня спуститься в подвал и принести немного белой капусты, которую они припасли, а затем сварил большой горшок свинины с тушёной капустой и вермишелью. Ещё до того, как блюдо вынули из котла, вся комната наполнилась мясным ароматом – густым, маслянистым, дразнящим. Инь Сюнь стоял рядом и смотрел так пристально, что, казалось, его глаза вот-вот упадут в кастрюлю. Этот его нетерпеливый взгляд был действительно забавен. Лу Цинцзю закончил готовить и отнёс блюда в комнату с каном. Чтобы сэкономить уголь, все в доме собирались там, сидели на тёплой лежанке, ели и болтали.

Жареное копчёное мясо было невероятно ароматным. Свинина с тушёной капустой и вермишелью – ещё одно блюдо, созданное для зимы. Зимой аппетит человека обычно становится чуть лучше. Даже Лу Цинцзю съел немного больше обычного.

Инь Сюнь втянул в себя вермишель и принялся жадно запихивать в рот белый рис, такой довольный, что глаза его засияли. Бай Юэху сидел рядом и громко хрустел свининой. Лу Цинцзю уже привык к этому звуку, но теперь он слышал в нём нечто новое... Он подумал, что его собственные кости вряд ли были бы такими же крепкими, как у свиней.

После еды настало время послеобеденного сна. Инь Сюнь не посмел втиснуться в одну постель с Бай Юэху и послушно ушёл в соседнюю комнату. Тогда Бай Юэху встряхнул своими девятью прекрасными хвостами и естественным, почти ласковым движением обернул ими Лу Цинцзю, лежащего на кровати. Хвосты были одновременно мягкими и тёплыми. Завернувшись в них, Лу Цинцзю чувствовал себя невероятно уютно. Он взял один из них в руки, потёрся о него лицом и вскоре заснул в этом блаженном тепле. Он проспал большую часть дня – когда очнулся, было уже почти четыре или пять вечера. Юноша быстро умылся, чтобы окончательно проснуться. А потом пришло время ужинать.

Такая жизнь – ложиться спать после еды и есть после сна – была, в сущности, неплоха. Ведь каждый год зима длилась всего месяц-другой, а когда приходила весна вместе с Новым годом, все становились очень занятыми. Конечно, единственным поводом для недовольства в это прекрасное время было отключение электричества – в доме нечем было заняться. Нельзя было смотреть телевизор, нельзя было пользоваться компьютером, даже их телефоны скоро разрядились бы. Они вернулись к жизни в самом начале эпохи, когда не было ни электричества, ни интернета.

Поэтому после ужина невероятно ленивый и скучающий Инь Сюнь изъявил желание повеселиться. Лу Цинцзю жевал жареные ароматные семечки подсолнуха и спросил: «Что за веселье?»

Инь Сюнь: «Давайте проведём конкурс рассказов о призраках – и посмотрим, чья история самая страшная!»

Услышав это, рука Лу Цинцзю, подносящая семечко ко рту, замерла. «Ты, горный бог, хочешь рассказывать истории о привидениях?»

Инь Сюнь: «Ты хочешь или нет? Хочешь или нет?»

На мгновение Лу Цинцзю задумался, а затем решил, что всё-таки хочет. Поэтому он спросил сидящего рядом Бай Юэху: «Юэху, хочешь присоединиться?»

Сначала Лу Цинцзю думал, что Бай Юэху не заинтересуется подобными вещами. Кто бы мог подумать, что он действительно кивнёт в знак согласия, а затем встанет со своего кресла и сядет рядом с ними.

«Тогда ты начинай первым», — сказал Инь Сюнь Лу Цинцзю.

«Хорошо, я начну». — И он рассказал историю о том, что случилось с ним в его компании.

Когда Лу Цинцзю ещё работал в компании, ему часто приходилось работать сверхурочно до одиннадцати-двенадцати часов ночи. Каждый раз, когда он шёл в туалет, он находил там запертую кабинку. Первые несколько раз он не обращал на это внимания, пока однажды, когда он пользовался кабинкой рядом с запертой, не уронил свой телефон на пол. Когда Лу Цинцзю

наклонился, чтобы поднять его, он заметил, что в запертой кабинке рядом с ним стояла пара ног. Если бы это были обычные ноги, всё было бы в порядке, но проблема была в том, что эти ноги были обуты в красные высокие шпильки. Кожа на них была такой бледной, что он мог видеть голубые вены.

Лу Цинцзю вошёл в мужской туалет. Как в мужском туалете могла оказаться пара женских ног? Тогда он почувствовал, что что-то не так. Как раз когда он собирался встать и уйти, он услышал стук шагов, а затем, широко раскрыв глаза, сквозь щель в нижней части кабинки увидел, как пара высоких шпилек вышла из туалета справа и остановилась прямо перед ним.

«Тук-тук-тук» — кто-то постучал в дверь его кабинки.

Лу Цинцзю мгновенно застыл. Хотя он иногда сталкивался с довольно странными существами — например, со старым говорящим деревом, — это было его первое столкновение с такого рода нечистью. Он не осмеливался издать ни звука. Притворившись, что ничего не слышит, он сел на унитаз и затаил дыхание.

В дверь постучали ещё два раза. Лу Цинцзю всё ещё не осмеливался дышать. Затем он услышал стук высоких каблуков — эти ноги уходили. Услышав шаги, Лу Цинцзю подумал, что существо ушло. Только он собрался открыть дверь, как его осенила мысль. Он замер, так и не открыв её, и посмотрел в щель между дверью и полом. Увиденное едва не остановило его сердце. Там, перевернутая, смотрела пара глаз. Это создание держало свою голову руками и глядело на Лу Цинцзю вверх ногами. Его тело было вытянуто так, что, хотя голова всё ещё была перед Лу Цинцзю, его ступни в красных шпильках уже подошли ко входу в туалет... Неудивительно, что юноша слышал звук удаляющихся шагов...

«А что потом? А потом что?» — Инь Сюнь занервничал просто от прослушивания.

Лу Цинцзю сказал: «Тогда мы просто смотрели друг на друга всю ночь. Она не исчезла, пока на следующее утро не взошло солнце».

Услышав это, глаза Инь Сюня расширились. «Она тебе ничего не сделала?»

Лу Цинцзю сказал: «Неожиданно, но нет».

Инь Сюнь глубоко вздохнул: «Тогда теперь моя очередь».

Он заговорил о том, что, когда впервые стал богом гор, встретил мужчину, который принёс на гору труп, чтобы избавиться от него. Этот труп женщины был безобразно изрублен тем человеком. Её смерть выглядела невероятно мучительной. Мужчина был очень взволнован. Он небрежно выкопал яму и закопал тело женщины. Инь Сюнь видел всё это, но в то время был слишком молод. Когда он рассказал об этом своим бабушке и дедушке, боящаяся неприятностей пожилая пара запретила ему сообщать об этом, сказав никогда и никому не рассказывать. Инь Сюнь послушался их, но всё же использовал свои способности горного бога,

чтобы тайно наблюдать за ситуацией.

Похоронив тело, мужчина на некоторое время исчез, но затем снова появился на вершине горы с лопатой в руках. Оглядевшись в поисках места, где он закопал труп, он начал копать во всех направлениях, пока наконец не нашёл его. Когда он снова выкопал тело, труп уже почти сгнил, выглядел отвратительно и зловеще. Но этому человеку было всё равно. Он вытащил что-то из кармана куртки, приложил ко лбу женщины, а затем снова похоронил её.

В то время Инь Сюнь очень интересовался этим, но, застряв на горе, не мог последовать за этим человеком. Он не знал, что именно заставило того мужчину сделать нечто подобное. Однако с тех пор этот человек приходил на гору всё чаще и чаще. Даже среди ночи он мог взобраться на гору и выкопать этот труп.

Вначале Инь Сюнь не понимал, почему этот человек так поступает, но постепенно заметил в нём что-то странное.

Шея мужчины становилась всё длиннее и длиннее. Вначале это ещё можно было объяснить тем, что он держал её прямо, но потом это уже нельзя было объяснить так. Его шея стала тоньше, длиннее и мягче – как у холодной змеи. Из-за этой перемены человек не решался вернуться домой и был вынужден жить на горе. И тогда Инь Сюнь наконец узнал, что происходит с этим человеком.

Это была ночь. Инь Сюнь, чей взгляд проникал сквозь мрак горы, увидел человека, лежащего в убогой палатке. Тот спал, но его шея скручивалась в неестественное. С наступлением тьмы в палатку ворвался свирепый ветер. Инь Сюнь увидел, как над мужчиной возникла женщина. Её тело было глубоко тронуте разложением – плоть отходила от костей лоскутами. Это был тот самый женский труп, который мужчина похоронил на склоне. Женщина нависла над его грудью, протянула руки, вцепилась в его голову и начала тянуть. Рывок за рывком, просто и страшно, шея мужчины вытягивалась, становясь всё длиннее, всё тоньше и тоньше...

На этом месте Инь Сюнь услышал рядом с собой голос Бай Юэху: «Вот так?» – и обернулся. Он увидел, что шея Бай Юэху вытянулась до чудовищной длины, и в его памяти ярко вспыхнуло то ужасное видение.

«А-а-а!!» — крик вырвался из горла сам собой. Инь Сюнь вскочил, готовый бежать, едва не свалившись с кровати.

Лу Цинцзю не смог сдержать смеха: «Юэху, не пугай его больше».

Шея Бай Юэху вернулась в обычное состояние. Он моргнул, его лицо было совершенно невинным: «Я просто пошутил. Он же горный бог, почему у него так мало мужества?»

«Кто сказал, что горные боги не могут быть трусами? — с яростью выкрикнул Инь Сюнь. — Я тот, кто я есть, я – фейерверк другого цвета!»

Лу Цинцзю промолчал, мысленно добавив: «Да, ты горный бог с головой, полной воды».

«Лу Цинцзю, приструни немного лисьего духа своей семьи! Как он может так пугать людей? Этот человек был тенью моего детства!»

«Хорошо, хорошо. — Лу Цинцзю успокаивающе поднял ладонь. — И что же было в конце?»

«В конце? — Инь Сюнь глубоко вздохнул, всё ещё дрожа. — Этому человеку оторвали голову. Я вызвал полицию».

Хотя даже после этого дело осталось нераскрытым, труп нашли, и семья опознала его. Это можно было считать добрым делом, но сам процесс был до жути пугающим.

Закончив свои истории, Инь Сюнь и Лу Цинцзю устремили взгляды на Бай Юэху. Похоже, он был самым опытным из них. Ужасная история, которую он расскажет, наверняка будет особенно леденящей душу. Истории первых двух были схожи: одна заставила вытянуться собственное тело, другая — шею её парня. Казалось, женщинам-призракам нравились длинные и тонкие вещи...

«Страшные истории? — Бай Юэху покачал головой. — У меня нет никаких страшных историй».

«Как это может быть? — Лу Цинцзю нахмурился. — Ты не сталкивался ни с чем, особенно пугающим?»

Бай Юэху задумался на мгновение: «Что-то особенно пугающее... А недостаток еды считается?»

Лу Цинцзю промолчал.

«Если нет, то у меня ничего нет».

«Давай ты просто расскажешь, а мы посмотрим, насколько это страшно», — предложил Лу Цинцзю.

Бай Юэху задумался: «Почему бы мне просто не отвезти вас посмотреть на это?»

«Посмотреть? — Инь Сюнь онемел от изумления. — Это — то, на что можно пойти и посмотреть?»

«Естественно. К тому же, нам нечего делать», — ответил Бай Юэху.

Лу Цинцзю и Инь Сюнь переглянулись. В конце концов, они согласились на предложение Бай Юэху – пойти и увидеть то, что лично он считал самым страшным. Вокруг Бай Юэху поднялся чёрный туман, мгновенно окутавший их обоих. Когда он рассеялся, парни оказались в совершенно незнакомом месте. Здесь тоже была ночь, но это была не деревня Шуйфу: не было ни снега, ни его следов. В небе висела яркая луна, отбрасывая бледный свет на пустынную землю. Воздух был пропитан запахом, который трудно было описать словами – смесь рыбного смрада и вони гниющего мяса.

Лу Цинцзю стоял перед гигантской ямой. Она была глубока и невероятно широка, её края уходили во тьму. Заглянув внутрь, он увидел на дне слой чёрной грязи, которая, вероятно, и была источником того запаха. В этой грязи покоились десятки скелетов. Они выглядели странно: напоминали рыбу, но были намного длиннее обычной, изогнутые в неестественных позах, разбросанные по всей поверхности.

«Где... где это место? — Инь Сюнь дрожал, голос его срывался. — И что это там?»

«Продолжай наблюдать», — ответил Бай Юэху.

Как только он произнёс эти слова, из глубины ямы донёлся булькающий звук, похожий на кипение воды. Лу Цинцзю заглянул вниз и неожиданно увидел огромную голову, поднимающуюся из грязи. Она была похожа на драконью, но грязь скрывала её черты, оставляя лишь смутные очертания. Однако длинные, неестественно вытянутые клыки, торчащие из окровавленной пасти, широко раскрытой, словно жертвенная чаша, говорили яснее всяких слов: это существо лучше не провоцировать.

Из ямы выполз покрытый грязью монстр. Лу Цинцзю заметил, что у него не было глаз – вернее, они были выколоты, оставив две тёмные впадины, словно окна в пустоту.

Но монстр, казалось, ощущал их присутствие. Он тяжело махнул хвостом в их сторону. Когда хвост ударился о землю, камни вокруг задрожали и посыпались вниз, но стены ямы оставались такими же прочными, как гора Тай. Если Лу Цинцзю не ошибался, эта глубокая яма была клеткой для этого монстра.

Когда тело существа полностью показалось из грязи, Лу Цинцзю с трудом смог догадаться о его природе. Оно было длинным и тонким, свернувшимся в яме кольцом. Это был самый стандартный тип дракона из древних легенд – но трудно было назвать его драконом. Он выглядел слишком жалко, без гордой осанки этих божественных существ. Лу Цинцзю видел множество кроваво-красных ран на его теле. Кровь, сочащаяся из них, смешивалась с грязью, заставляя зубы любого свидетеля сжиматься от боли.

«Это... настоящий дракон?» — спросил Лу Цинцзю.

«Дракон? — Бай Юэху взглянул на чудовище. — Полагаю, это уже не считается. Он больше не

достоин быть драконом».

«Он сделал что-то не так, чтобы оказаться здесь?»

Бай Юэху кивнул.

Лу Цинцзю было трудно представить, что мог сделать дракон, чтобы его заперли в таком месте. Для него, обычного человека, драконы были священными существами, тотемами целой нации, воплощением веры. Они должны были быть гордыми и прекрасными. Даже глядя на это чудовище, Лу Цинцзю всё ещё мог уловить отголоски силы высшего хищника и его былую красоту - по нескольким едва заметным деталям.

«И что же он сделал? — спросил Инь Сюнь слабым голосом. — А драконы... разве они не вымерли давным-давно?»

«Он совершил непоправимое, — сказал Бай Юэху, а затем равнодушно добавил: — Вымерли? Кто тебе сказал, что драконы вымерли?»

«Мои унаследованные воспоминания», — ответил Инь Сюнь.

«Тогда ты можешь обновить их прямо сейчас».

Лицо Инь Сюня было полно беспомощности.

Это было то, что Бай Юэху считал самым страшным. В отличие от Лу Цинцзю и Инь Сюня, его страх рождался из жалкого состояния равного ему.

Чудовище в яме открыло пасть, желая зарычать, но из неё вырвался лишь хриплый, сдавленный вой. Услышав этот звук, Лу Цинцзю понял, что у дракона, кажется, перерезали голосовые связки.

Какое зло он совершил, чтобы быть приговорённым к таким мукам? Глядя на открывшуюся картину, Лу Цинцзю почувствовал, как по спине пробежал холодок.

«Он не может умереть, но и жить ему не позволяют. Без еды он голоден, так что может есть только себя», — сказал Бай Юэху и повернулся к ним. — Для меня это - самая ужасная вещь в этом мире».

Словно в подтверждение его слов, гигантский дракон, превратившийся в монстра, издал ещё один хриплый вой, похожий на кровавый плач, от которого волосы вставали дыбом.

«Уведи нас отсюда, — голос Инь Сюня дрожал. — Я больше ничего не хочу видеть».

Бай Юэху произнёс: «Тогда возвращаемся».

Вокруг них вновь за клубился чёрный туман. Когда он рассеялся, они уже стояли в тёплом доме. Тишина окутала всех троих, тягучая и плотная. Бай Юэху взглянул на Лу Цинцзю — в его тёмных глазах плескалась неясная глубина. Лу Цинцзю уже приготовился услышать нечто сокровенное, но вместо этого Бай Юэху выдал: «Ну что, я сегодня выиграл конкурс страшных историй, верно?»

Лу Цинцзю, Инь Сюнь: «...»

Бай Юэху: «Чего вы так на меня уставились?»

Инь Сюнь вымолвил дрожащим голосом: «Конечно, ты победил».

Их выдумкам было далеко до того, с чем Бай Юэху столкнулся лицом к лицу.

Бай Юэху: «О, а приз будет?» — произнося слово «приз», он устремил взгляд на Лу Цинцзю, и в глазах его зажглось предвкушение.

Лу Цинцзю: «...» Раньше он, наверное, нашёл бы это выражение лица умиленным. Но после того укуса он наконец-то осознал со всей ясностью: этим взглядом Бай Юэху смотрит на аппетитную свиную лопатку. И сейчас он вежливо осведомляется у «свиной лопатки», не позволит ли та откусить ещё кусочек.

«Аппетитная свиная лопатка» Лу Цинцзю безжалостно отвергла притязания Бай Юэху: «Нет».

Бай Юэху разочарованно вздохнул.

Инь Сюнь всё ещё не мог выбраться из только что увиденного, погружённый в оцепенение, и не заметил подводных течений между Лу Цинцзю и Бай Юэху. «Уже поздно, я пойду. Ложитесь пораньше».

Лу Цинцзю спросил: «Ты в порядке?»

Инь Сюнь почесал затылок: «В порядке. Просто... этот дракон показался мне немного жалким».

Лу Цинцзю сказал: «Да, но это дело драконьего рода...» Они были чужаками, не стоило вмешиваться.

Бай Юэху же остался совершенно равнодушен к страданиям соплеменника - ему было даже лень обронить слово утешения.

Ошеломлённый и подавленный, Инь Сюнь ушёл. Глядя на него, Лу Цинцзю забеспокоился. Он не понимал, почему Инь Сюнь так переживает из-за этого дракона, но и сам он не остался незатронутым.

«Что... что же совершил этот дракон?» — когда Инь Сюнь ушёл, Лу Цинцзю снова задал Бай Юэху тот же вопрос.

Бай Юэху посмотрел на Лу Цинцзю и моргнул: «Ты правда хочешь знать?»

Лу Цинцзю: «Угу».

Бай Юэху: «Я расскажу тебе потом».

Лу Цинцзю: «...» Почему ему показалось, что выражение лица Бай Юэху стало каким-то... странным?

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: «Да, я первый!» (восторженно)

Лу Цинцзю: «...»

Переводчику есть что сказать:

ессо: Есть что-то необъяснимо уютное в написанном автором! Нет интернета и электричества, ничто не отвлекает на ненужную ерунду. Весь этот поток информации реально глушит даже собственные мысли... Так и представляю эту снежную тишину и уют. Рядом друзья, с которыми можно бесконечно болтать или молчать, глядя на снег. Много разных вкусняшек и вкусно готовящий Цинцзю. И пушистые тёплые хвосты Юэху!

Да, вы заметили, что все забыли про бедную коровку? Что с ней? Бедняжка.

Итак, Юэху почти прямым текстом заявил, что он - дракон. Но Инь Сюнь знает его вид, а он думал, что драконы вымерли! Значит, Юэху равен драконам, но не дракон? Да, дракон - это

слишком очевидный выбор. Кто же он?

Рохана: О да, пушистые тёплые хвосты Юэху — самое главное! . /тоже хочет себе такие/

Что вообще может испугать одного из самых могущественных созданий в мире, а? Парни, вы бы подумали сначала, КОГО спрашиваете!..

О да, мы даже знаем, какой «приз» ты хочешь, и тоже за! хД

<http://bllate.org/book/15722/1611733>